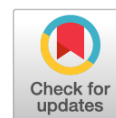

Актуальные проблемы квалификации половых преступлений: пределы судебного толкования

Милюков С.Ф.,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
E-mail: dikoepoleSF@gmail.com

Степанова О.Ю.,

преподаватель-методист методического отдела управления учебно-методической работы,
соискатель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД РФ
E-mail: Stepanovaou@mail.ru

***Аннотация.** В статье проводится критический анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Авторы указывают на ограниченность возможностей судебного толкования ввиду серьезных конструктивных недостатков соответствующих уголовно-правовых норм и предлагают пути их совершенствования.*

***Ключевые слова:** преступления сексуального характера, Постановление Пленума Верховного Суда РФ, реконструкция уголовного закона, пределы судебного толкования.*

Половые преступления издревле вызывали острый интерес не только у специалистов, но и самых широких слоев населения. Острота и сложность данной проблемы резко актуализировалась в связи с ростом в последние годы посягательств на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних лиц, о чем довольно часто сообщают средства массовой информации. Заметный рост показателей статистики по этим преступлениям, ухудшившаяся в этом плане криминогенная ситуация привела законодателя к необходимости пересмотреть отдельные положения уголовного закона в сторону усиления ответственности за преступления против половой свободы или неприкосновенности личности.

Очевидна необходимость совершенствования практики применения уголовно-правовых норм, карающих лиц, совершающих данного рода преступлениями. В этой связи представляет большой научный и практический интерес Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹. Следует отметить, что предмет его рассмотрения гораздо более широк, чем у ранее действовавшего Постановления от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»², что в большей степени соответствует потребностям следственной, прокурорской и судебной практики ввиду

системного подхода к рассматриваемым общественно опасным деяниям.

Если в утратившем силу документе 2004 г. Верховный Суд РФ пытался конкретизировать термины «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство», «иные действия сексуального характера» (п. 1), то в новом Постановлении соответствующие дефиниции отсутствуют вовсе. Координатор уголовной политики в этой сфере оперирует данными понятиями, не раскрывая их содержания, что не способствует их единообразному пониманию. Исходя из этого, нам представляется возможным сформулировать п. 1 действующего Постановления следующим образом: «При рассмотрении дел о половых преступлениях (ст. 131–133 УК РФ) судам следует обратить внимание на то, что под половым сношением понимается совершение естественного полового акта между мужчиной и женщиной, под мужеложством — анально-генитальный коитус между лицами мужского пола, под лесбиянством — сексуальные контакты, имитирующие половой акт между женщинами, совершаемые как с проникновением в естественные полости организма, так и без такового. Под иными действиями сексуального характера понимаются любые другие действия, которые затрагивают интимную сторону жизни потерпевшего (потерпевшей), включая развратные действия с применением насилия или угрозой его применения, а также понуждение женщиной мужчины к совершению полового акта путем применения насилия или угрозы его применения. Для квалификации содеянного по ст. 131 или ст. 132 УК РФ мотив совершения указанных преступлений (удовлетворение половой потребности, месть, национальная или религиозная ненависть, желание унижить потерпевшее лицо и т.п.) значения не имеет».

¹ Российская газета. 2014. 12 дек.

² Российская газета. 2004. 29 июня; Уголовный кодекс РФ с постановочными материалами / под ред. А.И. Рагора. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 213–219.

Последняя фраза в действующей и предлагаемой нами редакции п. 1 Постановления имеет принципиальное значение для понимания сути половых преступлений. Их нельзя сводить лишь к удовлетворению половой страсти противоправным путем. Изучение следственно-судебной практики, предпринятое одним из авторов настоящей публикации еще в 70-х гг. прошлого века, показало, что среди субъектов изнасилований немало лиц с ослабленной половой потенцией. Как это ни парадоксально, это толкает их на большее число половых контактов ради компенсации своей ущербности как в собственном сознании, так и в глазах жертвы. Последующие десятилетия, ознаменовавшиеся разрушением традиционных моральных устоев, обострение расовых и религиозных противоречий, привнесение уголовных обычаев в бизнес-среду и даже оперативно-следственную деятельность («опущение» сопротивляющегося претензиям конкурента или требованиям оперработника) лишь подтвердило истинность данного, на первый взгляд, парадоксального суждения.

Изучение текста постановления показывает, что Верховный Суд РФ вынужден оправдывать или замалчивать многочисленные, в том числе совершенно очевидные, законодательные огрехи, допущенные законодателем в гл. 18 УК РФ.

Так, из содержания п. 2 Постановления вытекает, что причинение тяжкого вреда потерпевшей(ему) при совершении преступлений, предусмотренных ст. 131–132 УК РФ должно квалифицироваться (при отсутствии иных отягчающих обстоятельств) всего лишь по ч. 1 этих статей. Получается, скажем, что угроза «выпустить кишки» жертве повышает верхний предел наказания сразу на 4 года, а реализация этой угрозы никакого влияния на наказуемость более опасных половых преступлений не оказывает (мы опускаем в данном случае возможность усиления наказания ввиду реальной совокупности преступлений, которая в реальной судебной практике реализуется далеко не всегда).

Еще более удивительное положение складывается при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью жертвы, которое повлекло по неосторожности смерть потерпевшей(его). Изнасилование и иные насильственные действия сексуального характера вновь должны быть квалифицированы лишь по ч. 1 ст. 131 или 132 УК РФ, тогда как простое причинение смерти по неосторожности в ходе таких преступлений (гораздо менее опасное деяние) повышает нижний предел наказуемости сразу на 9 (!) лет, а верхний предел — на 14 (!!)-лет лишения свободы с двумя дополнительными наказаниями и переходом соответствующего полового преступления в категорию особо тяжкого (п. «а» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ).

Конечно, итоговое наказание, как уже отмечалось, может стать соразмерным за счет квалификации и назначения наказания по совокупности преступлений. Но это лишь паллиатив. Действительно надлежащий выход из этой ситуации — законодательная реконструкция ст. 131 и 132 УК РФ с введением в нее таких особо (сверх) отягчающих обстоятельств, таких как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или убийство жертвы. В этом случае Верховный суд РФ вполне мог бы воспользоваться представленным ему ч. 1 ст. 104 Конституции РФ правом законодательной инициативы. Предлагаемая реконструкция позволит избежать искусственной совокупности половых и иных насильственных преступлений, что чревато, кстати, чрезмерным усилением уголовной репрессии.

Еще одна коллизия, порожденная законодателем в 1996 году, то есть еще в момент принятия действующего ныне УК РФ, обнаруживается в сопоставлении п. 8 и 9 вновь принятого Постановления (в ранее действующем — это пункты идентичной нумерации). Если следовать разъяснению Верховного Суда РФ, то лицо, совершившее два охватывавшихся единым умыслом насильственных половых акта в отношении одной и той же потерпевшей должно (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) нести ответственность по лишь ч. 1 ст. 131 УК РФ с максимальным наказанием в виде лишения свободы на *шесть* лет. Если же один из этих актов совершен в противозаконной форме (орально-генитальный или анально-генитальный коитус), то в силу ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание способно достигнуть уже *девяти* лет.

На это грубое нарушение принципа справедливости уже обращалось внимание в специальной литературе³. Но нам не известны рекомендации по квалификации действий виновного, который, совершая *один* незаконный половой контакт, комбинирует в нем нормальный, анальный и оральный секс. По смыслу позиции Верховного Суда РФ (и законодателя) здесь также будет совокупность преступлений (на этот раз идеальная).

Возникают проблемы также при квалификации, демонстрации порнографических материалов одновременно мальчику и девочке, не осознающих сути совершаемых с ними действий, ради последующего вступления с ними в половой контакт. Следуя логике законодателя, такого рода деяние, совершенное мужчиной в отношении не достигшей 12 лет девочки, надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК

³ См., в частности: Кондрашова Т.В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева Т. П.: Преступления против личности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 503–504.

РФ, а в отношении мальчика того же возраста — по ч. 1 ст. 30, по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (идеальная совокупность, грозящая виновному резким усилением окончательного наказания). Налицо идеальная совокупность преступлений, и действия виновного надлежит квалифицировать по обоим составам — п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В случае если те же деяния совершит женщина, то они будут квалифицированы только по ч. 1 ст. 30, п. «б» ст. 132 УК РФ⁴.

Дабы изжить эту коллизию, законодатель должен четко определить свою позицию по отношению к так называемым извращенным половым актам — равнозначны ли они естественному соитию или нет? Если нет, то ответственность и наказание за них должны отличаться от карательной реакции на изнасилование. Если равнозначны, то ответственность и наказание за них должны содержаться в одной статье УК РФ подобно тому, как это было в УК РСФСР 1960 г., который в неявной форме уравнивал собственно изнасилование и то, что сейчас именуется насильственными действиями сексуального характера.

Еще одна коллизия, не устранимая даже путем толкования Верховным Судом РФ, выявляется при сопоставлении текстов ст. 132 и 133 УК РФ, с одной стороны, и заголовка, а также текста диспозиций ст. 134 УК РФ — с другой. Если в первых из названных статей иные сексуальные действия понимаются весьма широко, то в ст. 134 — в содержание этого термина входит только мужеложство и лесбиянство. Здесь, по нашему мнению, также нельзя обойтись без вмешательства законодателя. К тому же не ясно, почему противоправное мужеложство и лесбиянство в ст. 134 УК РФ наказывается более жестко, а в ст. 131–132, как уже указывалось выше, равновелико с противоправным половым сношением в естественной форме.

Теоретически и практически оправданным выглядит содержащееся в п. 21 Постановления разъяснения о допустимости квалификации развратных действий по признакам преступлений, предусмотренных по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ лишь при доказанности умысла на совершение таких действий в отношении лица, не достигшего 12 лет. Современное общество заражено «педоистерией», массовое распространение информации о сексуальных посягательствах в отношении детей и подростков стирает грани представления о том, что является проявлением нормальной здоровой любви между мужчинами и женщинами, а что относится к патологии. Фантазия детей на эту

тему не знает разумных границ. Средства массовой коммуникации и, прежде всего, Интернет, оказывают большое влияние на их воображение, постоянно подогревая интерес к разного рода половым извращениям и излишествам.

К чему это приводит на практике, свидетельствует следующий пример. 28.01.2015 г. в Калининском районе Санкт-Петербурга 12-летняя ученица 6-го класса Даша Л. покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна 14-го этажа. До этого родители отчитали ее за посещение порносайтов посредством персонального компьютера. «Уже после гибели подростка родители заглянули в телефон дочери. Там они нашли множество SMS от друзей девочки, содержание которых было весьма непристойным», — рассказал источник в правоохранительных органах Петербурга.⁵

Во вновь принятом Постановлении, аналогично утратившему силу Постановлению от 15.06.2004 № 11, фактически содержится понятие «заведомости знания возраста потерпевшего лица», что является положительным моментом. Это означает, что уголовная ответственность по соответствующим квалифицирующим признакам наступает в том случае, когда лицо достоверно знало возрасте потерпевшего лица (являлось родственником, знакомым, соседом, педагогом, собеседником в соцсетях и т.п.) или сознательно допускало не достижение соответствующего возрастного рубежа в связи с внешним обликом, манерой поведения потерпевшего лица. Данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ вызвано имеющимися проблемами квалификации в правоприменительной деятельности следственных и судебных органов. Нередко на практике возникает проблема установления умысла на совершение сексуального преступления в отношении несовершеннолетней(его), которые внешне по своим физическим данным и манерам поведения выглядят как взрослая девушка (женщина) или мужчина, и к тому же намеренно вводит потенциального партнера в заблуждение относительно данного обстоятельства.

Недостатком комментируемого Постановления является отсутствие разъяснения, кого следует понимать «под другими лицами» в ст. 131 и 132 УК РФ. В ранее действовавшем Постановлении от 15.06.2004 № 15 к искомой категории были отнесены родственники потерпевшей(его), а также иные лица, «к которым виновное лицо в целях преодоления сопротивления потерпевшей применяет насилие либо высказывает угрозу его применения» (п. 7). Думается, что эти лица должны быть *близкими* по родству или другим обстоятельствам жертве сексуального насилия.

⁴ Отметим, что обративший внимание на данную коллизию А.Я. Авдалян ошибочно считает такую демонстрацию законченным изнасилованием или насильственным действием сексуального характера (см.: Авдалян А.Я. Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологические аспекты (компаративистское исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. С. 49).

⁵ URL: <http://www.utro.ru/articles/2015/01/28/1231477.shtml>

В предыдущем постановлении Верховный Суд РФ не толковал положения ст. 135 УК РФ. Между тем, как было сказано выше, название ст. 134 УК РФ шире, чем ее содержание. К тому же в ней нет четкого указания на то, что следует понимать под иными действиями сексуального характера, а что отнести к собственно развратным действиям. Однако сделанное в п. 17 разъяснение того, что следует считать развратными действиями, видится слишком общим, мало что дающим в плане практического применения: «любые действия <...> которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям». Остается, скажем, неясным, как следует квалифицировать добровольное совершение анально-генитального коитуса между лицом женского и мужского пола или оральные секс между лицами мужского пола либо взаимную мастурбацию лиц мужского пола с наказуемой разницей в возрасте?

Е.Ю. Пудовочкин в свое время подметил, что «половое сношение, к примеру, с девочкой, не достигшей 16 лет, будет квалифицироваться по ст. 134 УК РФ и максимально возможное наказание составляет 4 года лишения свободы, а, скажем, анальный секс с той же девочкой, будет квалифицироваться по ст. 135 УК РФ, и наказание за данное преступное деяние не превысит 3 лет лишения свободы»⁶. На наш взгляд, и для разрешения этой проблемы недостаточно судебного толкования, а требуется соответствующая реконструкция ст. 134 и 135 УК РФ, в результате которой первая из них будет охватывать кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, иное поведение субъекта, связанное с непосредственными сексуальными контактами с лицом, не достигшим 16-летнего возраста; а под развратными действиями — прочие действия сексуального характера, направленные на возбуждение и (или) удовлетворение половой потребности виновного или других лиц, но не связанных с таковым контактом с потерпевшим лицом (проще говоря, не выражающееся в имитации полового акта).

Обращает на себя внимание и существенная разница в наказуемости незаконного полового сношения с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, с одной стороны, и мужеложства (лесбиянства) с ним же (ср. санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ): если первое деяние считается преступлением средней тяжести, то второе — уже тяжким преступлением (разница верхних пределов санкций — два года). Однако уже в ч. 3 этой

статьи законодатель совершенно нелогично унифицирует наказание за обе разновидности половых контактов, хотя для потерпевшей(его) в возрасте от 12 до 14 лет неестественная их форма, на наш взгляд, более вредна, чем для более старших по возрасту подростков. И здесь решение проблемы выходит за рамки компетенции Верховного Суда РФ за исключением вышеупомянутой возможности реализовать право законодательной инициативы.

Особо интересным является подход законодателя к вопросу об освобождении от наказания, в случае создания «особых условий», прописанных в п. 1 примечания к ст. 134 УК РФ, в котором сказано, что «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ (то есть добровольное половое сношение), освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». Так как наше государство признает законным только брак между мужчиной и женщиной (традиционный), то по смыслу данного примечания следует, что конституционный принцип равноправия в отношении сексуальных меньшинств (гомосексуалов и лесбиянок) не действует.

Практически важным является признание развратными действиями поведения виновного, при котором непосредственный контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-коммуникационных сетей. Данному вопросу, по нашему мнению, следовало уделить больше внимания, сформулировав более четкое определение развратных действий, совершенных дистанционно («виртуально»), так как в настоящее время проблема привлечения к уголовной ответственности за сексуальные домогательства к несовершеннолетним средствами сети Интернет и других информационно-коммуникационных сетей носит остро актуальный характер.

Как отмечает Д. Мелешко, вред для детей при сексуальном воздействии на них через виртуальную среду и при непосредственном воздействии одинаков. Однако, рассуждая о вопросах квалификации рассматриваемых действий по гл. 18 УК РФ, данный автор (практический работник) сводит умысел виновного лишь к желанию причинения вреда конкретному лицу либо индивидуально-определенному кругу лиц. В иных случаях, когда адресатами информационного воздействия является неопределенная масса людей, предлагается квалифицировать содеянное по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ⁷.

⁶ Пудовочкин Ю.Е. Ненасильственные половые посяательства на лиц, не достигших 14 лет // Законность. 2002. № 14. С. 46.

⁷ См.: Мелешко Д. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы

Но как в таком случае будет квалифицирована, скажем, рассылка SMS-сообщений на 100 абонентских номеров, с предложением, к примеру, орального секса, 80 из которых по чистой случайности окажутся номерами несовершеннолетних?

По нашему мнению, различие между названными составами следует проводить по иным критериям. Во-первых, преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ, не содержат цели распространения или публичной демонстрации порнографических материалов. Основной целью виновного является удовлетворение собственной сексуальной потребности, путем возбуждения сексуального желания у потерпевшего лица. При этом преступник осознает (сознательно допускает), что субъекту интимного общения не исполнилось 16 лет. При совершении преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ посредством сети Интернет или иных информационно-коммуникационных сетей, происходит общение между преступником и жертвой (жертвами), взаимный обмен соответствующей информацией.

Толкование добровольного отказа от изнасилования и насильственных действий сексуального характера, данные в п. 7 Постановления, на первый взгляд, сводится лишь к воспроизведению положений ст. 31 УК РФ. Однако, на самом деле, Верховный Суд РФ подправляет законодателя, обращая внимание правоприменителей на то, что при покушении на изнасилование или на совершение насильственных действий сексуального характера преступление не доводится до конца по причинам, не зависящим именно от воли виновного. Дело в том, что в некоторых случаях несостоятельность преступника может зависеть от него (скажем, неспособность педофила завести автомобиль, где родители оставили малолетнего ребенка с тем, чтобы угнать его и беспрепятственно овладеть жертвой), но это не делает неудачную попытку добровольным отказом. Однако в конечном счете и здесь придется изменить формулировку ч. 3 ст. 30 УК РФ по образу и подобию ранее действовавшей ч. 2 ст. 15 УК РСФСР 1960 г.⁸

Попутно отметим, что ранее действовавшее Постановление от 15.06.2004 № 6 (п. 6) более основательно разграничивало покушение и добровольный отказ применительно к рассматриваемым преступлениям. Еще более развернуто этот вопрос был раскрыт в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4⁹.

личности»: обзор нововведений // Уголовное право. 2015. № 3. С. 52.

⁸ См. подробнее: Дронова Т.Н., Милуков С.Ф. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть / под. ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. СПб.: МИЭП, 2009. С. 321.

⁹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 1999. С. 157.

Из текста вновь принятого Постановления не видно, как именно должен решаться вопрос о квалификации преступления в случае неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью при совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера, тогда как предыдущее указывало на отсутствие необходимости дополнительной по совокупности преступлений (п. 3). Думается, что это правильно, поскольку прямо вытекает из содержания уголовного закона.

В рассматриваемом Постановлении различаются изнасилования, насильственные действия сексуального характера и понуждение к действиям сексуального характера по способам воздействия на потерпевшее лицо с целью получения от последнего вынужденного согласия на совершение указанных действий, чему не было уделено внимание в предыдущем документе. Применительно к ст. 133 УК РФ такими способами являются: шантаж, угроза уничтожения, изъятия или повреждения имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица. Данное преступное деяние считается оконченным с момента выражения в любой форме соответствующего требования, независимо от согласия или отказа потерпевшего лица совершить подобные действия либо их реального осуществления.

Верховный Суд РФ, как и в ранее действующем Постановлении, говорит и о том, что обман или злоупотребление доверием не могут рассматриваться как понуждение к действиям сексуального характера или иные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (что абсолютно обосновано, так как у лица, подвергшегося обману или злоупотреблению доверием, есть выбор своего поведения относительно выраженных притязаний на половую близость).

Однако, и к тому же в сугубо обвинительном ключе комментируемое Постановление (п. 5), как, впрочем, и ранее действовавшие постановления Верховного Суда решает практически важный вопрос об уголовно-правовой оценке половых контактов со слабоумными и другими психически ущербными лицами.

Такая же однобокость налицо и в известных нам суждениях специалистов-правоведов¹⁰. Исходя из их понимания, любое половое сношение и иные способы удовлетворения полового

¹⁰ См., напр.: Карасова А.Л. Комментарий к постановлению № 11 Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 // Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения уголовного права (1995–2005 гг.): тексты и науч.-практ. комментарии. Ростов н/Д.: ИРУ, 2005. С. 278–279; Андреева Л.А., Кондрашова Т.В. Изнасилование (ст. 131 УК РФ) // Энциклопедия уголовного права. Т. 15: Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. СПб.: СПб ГКА, 2011. С. 66–67.

влечения с участием психически больных надлежит *всегда* квалифицировать в качестве полового преступления со стороны здорового партнера. Тем самым интерпретаторы исключают наличие половой свободы у психически неполноценных лиц, приравнивая их к малолетним. Но в жизни такие лица достаточно часто ведут интенсивную половую жизнь, порой беспорядочную. Получается, что *все* их партнеры тяжкие и особо тяжкие преступники? Думается, что это далеко не так. Изнасилованием (или иными насильственными действиями сексуального характера) связь с душевно больными будет лишь тогда, когда последним причиняется физический или нравственный вред. Душевнобольной, несмотря на свою уязвимость, остается личностью и имеет равные права с психически здоровыми людьми на половую жизнь (исключая, конечно, случаи злоупотребления их психической неполноценностью).

Еще одним упущением правоприменителя следует считать отсутствие законодательно закрепленного в уголовном праве определения «малолетнее лицо». Малолетний возраст служит одной из причин признания беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) от преступных посягательств сексуального характера, с чем соглашается и теория, и практика. Данный вопрос имеет принципиальное значение, так как даже при наличии невынужденного согласия малолетнего лица на половой контакт содеянное все равно признается изнасилованием или насильственным действием сексуального характера. Такое согласие не имеет юридического значения, так как исходит от лица, не способного в полной мере понимать характер и значение совершенных с ним действий. В случае если согласие на совершение в отношении себя каких-либо сексуальных манипуляций дает несовершеннолетнее лицо, не относящееся к категории малолетнего, составы рассматриваемых преступлений отсутствуют. Следовательно, для правильной квалификации рассматриваемых преступлений возникает необходимость определить, кто же относится к категории малолетних, тем более что уголовный закон такого понятия не содержит и не раскрывает его. Таким образом, по нашему мнению, под малолетним в уголовном праве следует понимать лицо, не достигшее возраста 12 лет, а лицо, не достигшее возраста 16 лет, обозначать как «подростка».

Как видно из содержания большинства предлагаемых в настоящей статье новаций, они не могут быть реализованы в рамках официального (судебного) и научного (доктринального) толкования. Требуется системная реконструкция не только норм об уголовной ответственности за половые преступления, но и всего УК РФ, включая его Общую часть. Эта фундаментальная

задача может быть решена лишь в рамках новой кодификации российского уголовного законодательства, к которой один из авторов, наряду с другими специалистами, призывает второе десятилетие¹¹.

Список литературы:

1. Авдаляев А.Я. Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологические аспекты (компаративистское исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. 211 с.
2. Аистова Л.С. Концептуальный подход к построению нового Уголовного кодекса // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 134–144.
3. Андреева Л.А., Кондрашова Т.В. Изнасилование (ст. 131 УК РФ) // Энциклопедия уголовного права. Т. 15: Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. СПб.: СПб ГКА, 2011. С. 66–67.
4. Дронова Т.Н., Милуков С.Ф. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. СПб.: МИЭП, 2009. С. 321.
5. Карасова А.Л. Комментарий к постановлению № 11 Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. // Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения уголовного права (1995–2005 гг.): тексты и науч.-практ. комментарии. Ростов н/Д.: ИРУ, 2005. С. 278–279.
6. Кондрашова Т.В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Полный курс уголовного права: в 5 т / под ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 503–504.
7. Мелешко Д. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: обзор нововведений // Уголовное право. 2015. № 3. С. 50–51.
8. Милуков С.Ф. К проблеме создания нового Уголовного кодекса России // Актуальные проблемы уголовного законодательства России на современном этапе. Ч. I. Краснодар: Красн. юрмд. ин-т МВД, 2003. С. 19–25.
9. Милуков С.Ф. Революция и контрреволюция в современной уголовно-правовой политике: диалектическое противоречие // Вестник Орловского гос. ун-та. 2012. № 8. С. 20–23.
10. Милуков С.Ф. России нужен новый Уголовный кодекс // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М.: ЛексЭст, 2002. С. 42–46.
11. Милуков С.Ф. Уголовный кодекс России: оставить в прежнем виде нельзя изменить // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 269–270.
12. Павликов С.Г., Флейшер Н.Б. К вопросу о судебных ошибках // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 203–209.
13. Пудовочкин Ю.Е. Ненасильственные половые посягательства на лиц, не достигших 14 лет // Законность. 2002. № 14. С. 46–47.
14. Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Двойственность в понимании современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 122–133.

¹¹ См., напр.: Милуков С.Ф. России нужен новый Уголовный кодекс // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М.: ЛексЭст, 2002. С. 42–46; Он же. К проблеме создания нового Уголовного кодекса России // Актуальные проблемы уголовного законодательства России на современном этапе. Ч. I. Краснодар: Красн. юрмд. ин-т МВД, 2003. С. 19–25; Он же. Уголовный кодекс России: оставить в прежнем виде нельзя изменить // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 269–270; Он же. Революция и контрреволюция в современной уголовно-правовой политике: диалектическое противоречие // Вестник Орловского гос. ун-та. 2012. № 8. С. 20–23.

Actual Qualification Problems of Sexual Crimes: the Limits of Judicial Interpretation

Miliukov S.F.,

Doctor of Law, Professor of Criminal Law
of the Russian State Pedagogical University
E-mail: dikoepoleSF@gmail.com

Stepanova O.Yu.,

Teacher-methodologist methodical management
department teaching work,
the applicant Criminal Law Department
of St. Petersburg University of the Interior Ministry.
E-mail: Stepanovaou@mail.ru

Abstract. *This article presents a critical analysis of postmen of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual». The authors point out the limitations of WHO-judicial interpretation opportunities due to serious structural under-STATCOM relevant criminal law and suggest ways to improve them.*

Keywords: *sexual offenses, The setting of the Supreme Court, the reconstruction of the criminal law, pre-limits of judicial interpretation.*

References:

1. Avdaljan A.Ja. Preduprezhdenie prestuplenij protiv polovoj neprikosновенности nesovershennoletnih: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskie aspekty (komparativistskoe issledovanie): dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2015. 211 s.
2. Aistova L.S. Konceptual'nyj podhod k postroeniju novogo Ugolovnogogo kodeksa // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 2 (3). S. 134–144.
3. Andreeva L.A., Kondrashova T.V. Iznasilovanie (st. 131 UK RF) // Jenciklopedija ugovolnogo prava. T. 15: Prestuplenija protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody lichnosti. SPb.: SPb GKA, 2011. S. 66–67.
4. Dronova T.N., Miljukov S.F. Neokonchennoe prestuplenie // Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast' / pod. red. G.L. Kastorskogo, A.I. Chuchaeva. SPb.: MIJeP, 2009. S. 321.
5. Karasova A.L. Kommentarij k postanovleniju №11 Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.06.2004 g. // Postanovlenija Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosam primeneniya ugovolnogo prava (1995–2005 gg.): teksty i nauch.-prakt. kommentarii. Rostov n/D.: IRU, 2005. S. 278–279.
6. Kondrashova T.V. Prestuplenija protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody lichnosti // Polnyj kurs ugovolnogo prava: v 5 t. / pod red. A.I. Korobeeva T. II: Prestuplenija protiv lichnosti. SPb.: Jurid. centr Press, 2008. S. 503–504.
7. Meleshko D. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda «O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody lichnosti»: obzor novovvedenij // Ugolovnoe pravo. 2015. № 3. S. 50–51.
8. Miljukov S.F. K probleme sozdaniya novogo Ugolovnogogo kodeksa Rossii // Aktual'nye problemy ugovolnogo zakonodateľstva Rossii na sovremennom jetape. Ch. I. Krasnodar: Krasn. jurmd. in-t MVD, 2003. S. 19–25.
9. Miljukov S.F. Revoljucija i kontrrevoljucija v sovremennoj ugovolno-pravovoj politike: dialekticheskoe protivorechie // Vestnik Orlovskogo gos. un-ta. 2012. № 8. S. 20–23.
10. Miljukov S.F. Rossii nuzhen novyj Ugolovnyj kodeks // Pjat' let dejstvija UK RF: itogi i perspektivy. M.: LeksJest, 2002. S. 42–46.
11. Miljukov S.F. Ugolovnyj kodeks Rossii: ostavit' v prezhnem vide nel'zja izmenit' // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. 2009. № 2. S. 269–270.
12. Pavlikov S.G., Flejsher N.B. K voprosu o sudebnyh oshibkah // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 1 (2). S. 203–209.
13. Pudovochkin Ju.E. Nenasil'stvennyye polovyye posjagatel'stva na lic, ne dostigshih 14 let // Zakonnost'. 2002. № 14. S. 46–47.
14. Shul'c V. L., Bochkarev S.A. Dvojstvennost' v ponimanii sovremennoj ugovolnoj politiki // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2015. № 2 (3). S. 122–133.